

Л. Н. ЗАСОРИНА, В. Н. МОРОЗ

О ПРИНЦИПАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

I. Современная лингвистика переживает острый поворотный момент. Если два десятилетия назад поиски новых методов и теорий вращались вокруг противопоставления «классического» и структурного направления в языкознании, то сейчас идет критика «классических школ» структурализма с позиций «неформальной» (содержательной) лингвистики. Интерес к смысловой стороне речи как будто сближает сторонников «старого» и «нового» в лингвистике. Сейчас трудно найти лингвиста, который не признавал бы актуальность вопросов семантики. Резкие расхождения касаются только одного вопроса — о формальных методах анализа, о границах формализации в лингвистике.

Не приходится отрицать, что в рамках структурного направления складывалась известная абсолютизация формальных методов. Этому во многом способствовали работы американской дескриптивной школы, которая испытала сильное влияние современного неопозитивизма. Преимущества дедуктивных приемов анализа с особым эффектом были продемонстрированы при построении формальных моделей грамматики. Модель фразовых структур среди других отличается наиболее корректным применением алгебры логики, что обеспечило высокое признание формально-логических ее возможностей. Не случайно, что формальные грамматики получили распространение в прикладной математике, в программировании и теории автоматов.

Иначе обстоит дело с оценкой применимости формальных моделей в языкознании. Уровень формализации находится в обратнопропорциональном отношении к содержательным эмпирическим основаниям модели. Формальные грамматики описывают узкую область «поверхностного» синтаксиса. Попытки расширить область фактов, охватываемых порождающими грамматиками, пока не дают положительных результатов. Резко критическое отношение вызывает распространение формального аппарата трансформационной модели на «семантическую» сторону языка¹. Следуя установкам математической логики, последователи Н. Хомского стремятся построить формальное описание семантики «через синтаксис», семантический компонент порождающей модели рассматривается как метатеория относительно синтаксической ее части. При переходе к семантике Н. Хомский ищет эмпирические основания модели в философии языка В. Гумбольдта и психологических конценциях смысла². Обсуждение этих вопросов носит довольно туманный характер, формально-логические приемы в этом случае оказываются бессильными.

Преувеличение роли формализации в лингвистике может иметь отрицательные последствия, в частности, может приводить к пренебрежительному отношению, с одной стороны, к эмпирическим фактам, а,

¹ Ch. F. Hockett, The state of the art, The Hague — Paris, 1968; Дж. В. Олдер (младший), Б. Д. Сэйлз, Р. В. Гаррингтон, Круговорот в традиционной и современной лингвистической теории, ВЯ, 1971, 2.

² N. Chomsky, Language and mind, New York, 1968.

с другой стороны, к содержательным теориям языка. При определении новых линий лингвистики неправомерно было бы искусственно игнорировать обе эти стороны. Преодоление ограниченностей примитивного формализма, утвердившегося в лингвистике 50—60-х годов XX в., связано с обращением к функциональным теориям языка и мысли. Можно предполагать, что центральное место в будущем займут модели языковых процессов, в особенности моделирование информационно-логических процессов, или коммуникативно-познавательных.

В настоящее время в области семантики задачи ставятся по-разному. Намстались две линии исследований. Первая из них — это содержательный анализ высказываний, связанный с выяснением механизмов мыслительного процесса, определением познавательных типов высказываний, употребляемых в развитых языках мира. На этой основе предполагается выявление закономерностей естественного языка, определяющих его развитие. Вторая — характеризуется вниманием к смыслу отдельных слов, встречающихся в высказывании. Эти линии не исключают друг друга, по важно уяснить, какая из них является определяющей, каково их взаимоотношение.

В языкознании, как традиционном, так и структурном, на первый план выдвинулась вторая линия исследований семантики, причем часто она развивается в значительном отрыве от первой. Примером этого могут служить принципы лингвистической семантики, выдвинутые в связи с моделью «смысл ↔ текст». Не имея возможности дать обзор всех публикаций авторов этой модели, мы остановимся на статье И. А. Мельчука «К принципам описания означаемых»³.

И. Как свидетельствует само название работы, ее автор обнаруживает узкий подход к семантике, сводит ее лишь к описанию смысла слов, «к исследованию означаемых». Этим определяется ряд слабых сторон в позиции И. А. Мельчука.

В теоретическом плане весьма существенным моментом для всякой концепции является понимание введенных Соссюром терминов «означающее» и «означаемое». В данной статье автор демонстрирует явное пренебрежение к этому, очевидно, стремясь упростить трактовку исходных понятий. «Идеальная сторона знаков» последовательно приравнивается к «означаемым», семантике, смыслу и значению слова (стр. 202, 203). По словам автора, чисто формальная сторона — правила комбинирования «означающих» — изучалась классической морфологией и синтаксисом. Такое разграничение идеального и материального в языке стирает грань между описательным языкознанием и послесоссюровской структурной лингвистикой. Статический подход к языковому материалу не исключает отождествления явлений речи и языка-системы.

Именно такая исходная позиция приводит далее к главному постулату о языке как механизме-преобразователе, выполняющем переход «смысл ↔ текст». Законы воплощения смысла в текст при этом рассматриваются как вторичная задача (стр. 202). С методологической точки зрения это утверждение оказывается неприемлемым, поскольку из него следует, что смысл образуется до текста. Постановка проблемы «смысл ↔ текст», несмотря на ее внешне прагматический характер, имеет глубокие философские основания. И. А. Мельчук, по существу, хотя и неявным образом, солидаризируется с позитивистским пониманием отношений языка и мысли. Он пишет, что смысл слова невозможно описать иным способом, кроме как в составе выражения — логической формулы (стр. 210—211).

³ И. М. М е л ь ч у к, К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике), в кн.: «Язык и человек», М., 1970.

Представители «семантической философии» уже более 70 лет ведут исследования по разработке идеального логического языка, который был бы освобожден от «недостатков» естественной речи с ее многозначностью, синонимией и т. д. Однако ни один из созданных логических языков не приближается по своим свойствам к естественному языку. Применение логических формул для описания смысла высказываний живой речи равносильно отказу от изучения собственных механизмов языка. Такой подход не может быть принят лингвистикой до тех пор, пока она сохраняет положение самостоятельной эмпирической науки.

Научно оправданной представляется следующая постановка вопроса: Каковы законы воплощения смысла в текст? Как осуществляется переход от не-смысла (преддискурсивного содержания мысли) к смыслу? И обратно: как восстанавливается мыслительный акт по речевому сообщению, каковы механизмы рече-мыслительного процесса?

Из допущения автономности смысла далее И. А. Мельчук делает заключение о том, что смысл, т. е. означаемые, должен быть описан столь же формально и строго, сколь и внешняя сторона текста, т. е. означающие. Это утверждение раскрывает пафос всей статьи, которая сводится прежде всего к демонстрации формальных способов описания смысла. Следует подчеркнуть, что подобная формулировка задачи находится в противоречии с мнением большинства лингвистов, как традиционного, так и структурного направления. Хорошо известно, что смысл не поддается такому же формальному описанию, как внешние формы речи, в связи с этим предпринимались попытки ограничить пределы языковых явлений, подвергавшихся формальному анализу.

В статье формулируется несколько «важных положений теории семантики». Рассмотрим, в какой мере они последовательны и непротиворечивы.

1. Значение слова анализируется в заданных контекстах. Выдвигая это практически здоровое и достаточно тривиальное положение, автор уклоняется от обсуждения вопроса о полисемии и моносемии слова. Неопределенность мнения по этому вопросу приводит в дальнейшем к двойственному рассмотрению слова. Весь ход анализа, показанный на примере *только*, как будто свидетельствует, что автор работает с контекстным значением, и, следовательно, признает полисемию слова. Но далее проводятся операции над изолированным словом, из чего можно заключить, что принимается гипотеза о моносемии слова. Не проясняет положения и утверждение о том, что слово не имеет смысла вне «ситуационных форм» (стр. 212).

2. Способом истолкования слова во фразе является замена данного высказывания сходным с ним по смыслу. Прием субституции текстовых сегментов широко применяется в лингвистике, как традиционной, так и дескриптивной в особенности. Как показано в работах дескриптивистов, наиболее чистый результат формальные правила подстановок дают при описании единиц «плана выражения». Идеальные условия для выявления инварианта представляют минимально различающиеся пары высказываний. Возможно ли использовать подстановки при описании «плана содержания»? Какие ограничения при этом необходимо ввести? Уравнивание высказываний *Я купил только чашки* - *Я купил чашки и не купил ничего другого* отнюдь не отвечают требованию минимальных различий между сравниваемыми объектами. Как будет показано ниже, второе высказывание есть результат объединения двух, неполно выраженных: выделяющего и исключаящего высказываний.

Неубедительность уравниваний высказываний еще не дает основания нацело отвергать этот прием. Однако очевидно, что произвол экспери-

ментатора должен быть поставлен под контроль определенных правил. Только достаточно тонкое и искусное применение подстановок позволяет лингвисту нащупать границу между смыслом целого высказывания и «значением» отдельного слова.

На это обстоятельство недвусмысленно указывал еще Л. В. Щерба, который ввел принцип эксперимента в языкознание.

3. Допускается прямое уравнивание слова и более развернутого выражения. Показано, что *не=неверно*, что *кроме = не равный*, за исключением. Если рассматривать эти равенства изолированно, вне контекста, то они как будто не противоречат интуиции. Но в целом это положение явно не согласуется с первыми двумя, в которых провозглашается необходимость анализа слова в контексте. Не замечая этого, И. А. Мельчук приходит к такому уравниванию слов с выражениями, которое открывает путь к символическому переобозначению единиц речи в терминах математической логики. В этом случае, конечно, автору трудно избежать своеобразной «подгонки по фигуре». По И. А. Мельчуку, символическое выражение и есть значение, или означаемое, слова во фразе (стр. 204). Таким образом, преодолевая трудности перехода от текста к логической формуле, автор достигает того момента, когда свойства живой речи могут вовсе не учитываться, и в действие вступает вывод логически эквивалентных формул.

В целом общие, теоретические посылки для развернутого далее семантического анализа не отличаются последовательностью и глубокой продуманностью имеющихся в современной лингвистике результатов.

III. Центральное место в статье занимает разбор значения слова *только*, который должен был служить обоснованием и доказательством существования так называемых «атомов смысла». Рассмотрим подробнее этот анализ, заимствованный у Е. Чарни, который дал описание английского *only*. При работе с русским языком следовало бы оговорить с самого начала, что *только* синонимично *лишь*.

Для разбора взяты пять однотипных высказываний. В первом из них *Я купил только чашки* автор считает возможным опустить слово *только*, и тогда его смысловым эквивалентом будет служить добавочное высказывание *Я не купил ничего, кроме чашек*. При объединении исходного и добавочного высказываний получается: *Я купил только чашки и не купил ничего другого* или *Я купил чашки и не купил ничего другого, кроме чашек*.

При этом автора не беспокоит вопрос о том, откуда вообще появляется *только* в приводимом высказывании, каковы условия, определяющие его употребление. Высказывание и само слово *только* берутся в статике, а не в динамике, вне вопроса о мыслительных формах. Между тем, условия появления *только* известны еще традиционной логике. Высказывание, содержащее это слово, называется выделяющим. Ему сопутствует исключаящее высказывание. Применительно к примеру автора оно будет выглядеть так: *Все остальные вещи, которые я должен был (хотел, намеревался) купить, мною не куплены*. В случае, когда в речи упоминается только одно из этих двух высказываний, употребляется более полное их оформление: *Из всех вещей, которые я должен был купить, куплены только чашки; Все вещи, которые я должен был купить, за исключением (только) чашек, мною не куплены*. Автор не уловил, что «только» содержится, хотя и не явно, и в исключаящем высказывании; обычно словесное выражение «только» опускается в целях краткости формулировки.

В этом недосмотре нет ничего удивительного. В некоторых случаях «только» бывает глубоко запрято в высказывании. Примером подобного явления может служить так называемое исходное полуборотное высказывание. Его утвердительная форма включает слово *только* в явном виде:

В этой группе (студентов) есть только успевающие студенты. Отрицательная же форма обычно не предполагает произнесения этого слова: *В этой группе (студентов) нет отличников.* Оно проявляется лишь при расширении формулировки: *В этой группе (студентов) есть только студенты, которые не относятся к отличникам.*

Может показаться спорным, употребляется ли в приведенном случае только в том же значении, что и в примере И. А. Мельчука. Однако бесспорно, что в высказывании типа *Только барометр служит для измерения атмосферного давления* значение этого слова точно такое же, как и в примерах автора. В более развернутом виде данное высказывание выглядит так: *Из всех видов физических приборов только барометр служит для измерения атмосферного давления.* Исключающее для него высказывание следующее: *Все виды физических приборов, за исключением (только) барометра, не служат для измерения атмосферного давления.* Но И. А. Мельчук формулирует исключающее высказывание в ином, довольно искусственном варианте. Поэтому приводимые высказывания у него в конечном счете получили бы другое оформление: *Барометр служит для измерения атмосферного давления и есть еще сколько-либо физических приборов, кроме барометра, не служащих для измерения атмосферного давления.* Такая формулировка предполагает, что, кроме барометра, могут существовать еще какие-либо приборы, служащие для той же цели. Чтобы избежать такого предположения, нужно добавить в высказывание после слова *кроме* еще слово *только* или *лишь*. Тогда неверное предположение отпадает, при этом окажутся совсем неуместными слова *сколько-либо*, так как доподлинно известно, что имеются в виду все остальные виды приборов.

Не учтено автором и то, что выделяющие высказывания бывают и отрицательными. Например: *Из всех видов семейства кошек, только гепарды не имеют тяжких когтей.* Но тогда исключающее высказывание будет утвердительным: *Все виды семейства кошек, за исключением (только) гепардов, имеют тяжкие когти.* Автор же допускает лишь наличие отрицательных исключающих высказываний, что отражается им и в логических формулах.

Следует еще обратить внимание также на то, что слово *кроме* служит заменой выражения *за исключением*, более точно покрывающего смысл в исключающих высказываниях. Слова же *за исключением* не всегда в состоянии заменить *кроме*.

Если взять так называемое неполное синтетическое высказывание *Стрижи составляют только один из видов птиц, обладающих быстрым полетом*, то возможно дополнительное высказывание: *И есть, кроме стрижей, еще сколько-то видов птиц, обладающих быстрым полетом.* Здесь *кроме* не связано с *только* и его нельзя заменить выражением *за исключением*. Слово *сколько-то* также вполне естественно. Но при этом оба высказывания утвердительные, и, значит, не отвечают истолкованию автора.

Таким образом, И. А. Мельчук заблуждается, когда считает свое исключающее высказывание способным передать смысл слова *только* в выделяющем высказывании. В действительности, оно способно лишь навести на догадку, что предшествующее высказывание является выделяющим, в котором просто пропущено слово *только*, как пропущено и в исключающем, идущем после него.

И. А. Мельчук стремится во что бы то ни стало опереться на символика математической логики. Он поясняет, что отрицание в исключающих высказываниях можно заменить словами *неверно, что*: *Я не читаю = Неверно, что я читаю; Он не сумеет = Неверно, что он сумеет* (стр. 203). При наличии внимания к живой речи нетрудно заметить, что такое выска-

зывание, как *Неверно, что я читаю* представляет собой высказывание о высказывании: *Утверждение (мнение, предположение) «я не читаю» является неверным*. В естественном языке оно имеет замену в виде слова *нет*. При этом отрицательное высказывание, следующее за ним, обычно формулируется в полном виде: *Нет, я не читаю*. Высказывание о высказывании применяется и к отрицательным высказываниям. Например: *Утверждение «я не читаю» является неверным*. Следует еще заметить, что замена отрицательного высказывания вышесказанным способом не всегда возможна. Так, если сказано *Я не купил только чашек*, то получится *Неверно, что я купил только чашки*.

Уже видно, что применять формулы при нахождении «атомов смысла» нет никаких оснований. Крайне сомнительно, что вообще можно серьезно говорить о смысловых атомах.

И. А. Мельчук еще весьма далек от осуществления целей научного описания значения слов и фактически не имеет здесь никаких преимуществ по сравнению с традиционной лингвистикой. Впрочем традиционная лингвистика дает более последовательное описание текста, так как она опирается на свою теорию предложения. Эта теория значительно устарела, нужна новая, обеспечивающая более глубокий анализ языковых явлений. Только на основе теории высказывания, позволяющей объяснить его познавательный смысл, выявить типы высказываний, можно надеяться и на успехи в анализе смысла слов. Не подлежит сомнению, что при поверхностном подходе к вопросам семантики, не может быть и речи о практической реализации прикладных задач лингвистики.

IV. В заключение своей статьи И. А. Мельчук формулирует пять «полезных выводов, касающихся принципов описания означаемых». Учитывая все сказанное выше, прокомментируем эти выводы.

1. Абсолютно непригодно принятое в словарях толкование слова «через синонимы или почти синонимы» (стр. 205). Это заключение прежде всего вступает в противоречие с техникой анализа, показанной самим автором, который широко пользуется уравниванием высказываний. В распоряжении человека нет других средств толкования смысла, кроме как сопоставление частично сходных словесных выражений. Любой научный анализ текста, в том числе и рассчитанный на применение автоматов, не должен игнорировать естественные для человека приемы распознавания смысла.

Вводя «атомы смысла», на которые разлагаются означаемые, и заимствуя для их записи формулы математической логики, автор придает «научность» семантическому анализу. Считая такой способ описания наиболее совершенным, он считает излишним доказывать его простоту, необходимость и объяснительность.

Можно заметить, что И. А. Мельчук схоластически трактует требование логики науки, согласно которому теория (т. е. научное описание) должна указать элементарные компоненты, из которых состоит изучаемый объект. отождествляя слово с объектом семантического анализа, автор считает необходимым разлагать «означаемые» на «атомы смысла». Такое суженное понимание природы изучаемого объекта оказывается значительно беднее современных представлений об онтологической картине естественного языка.

Если в обращении к терминам математической логики И. А. Мельчук следует примеру некоторых авторитетов, то выдвигая задачу «каталогизации атомов смысла», он безусловно проявляет собственную инициативу. Сторонники логистического направления в семантике по большей части искали путей упрощения задачи, ограничивали анализ отдельными иллюстрациями или узкими фрагментами лексики. Практическая катало-

гизация «атомов смысла» для определенного языка, например русского, по-видимому, если и может быть выполнена, то на самом поверхностном уровне, при снижении требований к качеству описания. А по существу она означала бы стирание фундаментальных различий между естественным языком, обладающим свойством открытости, и формальными знаковыми системами, типа языков математической логики, относящимися к классу закрытых, конвенциональных систем.

2. Существенным нововведением И. А. Мельчук считает описание описываемого как структуры. В отличие от набора сем, которым оперируют в компонентном анализе, предлагается использовать для записи смысла высказываний ориентированный граф. Техника представления структурных связей в виде деревьев получила широкое признание в современной лингвистике. «Остроумное» решение, предлагаемое в данном случае, состоит в том, что способ описания структуры предложения, в котором составляющие-слова являются «независимыми формами» (по Блумфилду), переносится на описание смысловой структуры слова, составляющими которого выступают «связанные» семантические компоненты. Таким образом, семантика слова «растворяется» в синтаксисе фразы. Произвольно передвигая стрелки в графе, можно получать новые высказывания. Снимая границы между словом и предложением, И. А. Мельчук открывает простор для максимально свободного перифразирования, которое не расценивается на осторожное обращение со смыслом реального, живого высказывания.

3. Довольно большую популярность среди сторонников новых методов семантики имеет описание не слов, взятых самих по себе, а «ситуационных форм», за которыми стоит целая типовая ситуация, например, не просто *обещать*, а *А обещает В, что Р*. Этот принцип имеет отношение к описанию слов-предикатов (имен предикатов, кванторов и логических связок). Слова-непредикаты (*тапочки, кеды* и др.) можно описывать сами по себе. «Новизна» такого подхода к семантике является мнимой, поскольку он не отличается значительно от «номенклатурного» подхода к фактам языка, который в свое время был отброшен Ф. де Соссюром. Видимая сложность анализа по сравнению с интуитивистской позицией «здорового смысла» здесь только в том, что предлагается оперировать не отдельным словом, а целым высказыванием, которое просматривается через все «углы картины».

Теоретически в языкознании давно признана необходимость отказа от референциального рассмотрения семантики. Однако в практическом анализе лингвисту трудно «оторваться» от обращения к внеязыковой действительности. Разумный путь для достижения этой цели, на наш взгляд, состоит в принятии определенной теории содержательного анализа высказывания. Такую возможность, в частности, дает анализ мыслительного акта⁴.

4. Вслед за Г. Рейхенбахом, У. Вайнрайхом и другими представителями логической семантики, И. А. Мельчук провозглашает необходимость логической классификации (иерархии) «атомов смысла». Среди них различают предикаты и аргументы, связки и кванторы. Лингвисты всегда с интересом относились к возможностям построения классификаций, тем более привлекательно выглядит логическая классификация. Однако попытка непосредственно применить к естественному языку исчисление предикатов наталкивается на непреодолимые трудности. «Перевод» текстовых слов в термины математической логики часто невозможен из-за того, что

⁴ В. Н. Мороз, *Мысль и предложение*, Ташкент, 1960; *е г о ж е*, *Об оборотных и полуборотных высказываниях*, Ташкент, 1971.

кванторы и связи «размазаны» по тексту таким образом, что не удается «навесить» один символ на одно слово. Возможно, что аппарат математической логики окажется более пригодным при переходе к «глубинным» структурам. Однако проблема реконструкции «глубинной семантики» пока что вырисовывается неясно, лексико-семантические структуры в модели «смысл ↔ текст» не дают удовлетворительного ее решения.

5. Семантическое описание должно быть подчинено исчислению синонимии в данном языке. Это положение имеет принципиальный характер в определении прогрессивных тенденций лингвистической семантики. Аналогичным образом понимает область семантических явлений также С. К. Шаумян при введении «семантического генератора» в аппликативную порождающую модель⁵. Рассматривая этот принцип в широком смысле, следовало бы добавить, что семантика как теория синонимии должна включать и объяснительную модель полисемии одновременно. Моделирование семантических процессов естественного языка обязательно предполагает рассмотрение полисемии и синонимии как неотъемлемых свойств языка, обуславливающих его универсальный характер при использовании в качестве средства общения.

Реализация этого принципа в работах И. А. Мельчука и его единомышленников не может быть признана удачной. «...описание языковых означаемых должно обязательно выполняться в рамках и под контролем внутриязыкового перифразирования; то или иное смысловое описание принимается / отвергается на основе апелляции к работающей (автоматической) системе перифразирования» (стр. 215). Из этого утверждения видно, что автор ставит знак равенства между синонимией и системой перифразирования. Выше было показано, что уравнивание сходных по смыслу высказываний проводится на интуитивных началах. Видимость формализации правил перифразирования достигается только за счет нотации, записи смысла в виде логических формул и представления структуры «смысловых атомов» в виде графа. Автоматизм правил преобразования в этих условиях может быть интересен только как эквилибристический прием.

Подлинно научный анализ семантических явлений языка должен опираться на теорию, объясняющую действительный познавательный смысл высказывания. С этих позиций исторически сложившееся разделение в подходе к смыслу со стороны лингвистики и логики оказывается неправомерным, не имеет под собой почвы. Разработка единых принципов и методов смыслового анализа, преодолевающих логико-лингвистическую двойственность, настоятельно диктуется и актуальными задачами информационного анализа текста. Дальнейшее углубление и уточнение проблем семантического анализа языка будет определяться изучением механизмов рече-мыслительных процессов, которое потребует внимательного изучения явлений живой речи. Наряду с этим решающее значение для построения семантической теории языка будет иметь последовательное применение метода идеализации изучаемых явлений, которое составляет необходимое условие моделирования языковой коммуникации.

⁵ С. К. Шаумян, Двухступенчатая теория порождающих грамматик, «Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та», 228, 1969; его же, Философские вопросы теоретической лингвистики, М., 1971.